

Научная статья

УДК 93 "1917/1919": 930.23: 003.034: 82.03

doi: 10.17223/19988613/78/9

Карим Идельгужин о башкирских войсках и борьбе за власть в 1917–1919 гг.

Зухра Рамилевна Сабирова¹, Гульнара Хависовна Абдрафикова²

^{1,2} *Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия*

¹ *timerbulat2009@mail.ru*

² *gulnara1273@bk.ru*

Аннотация. Исследуются история формирования российской армии в XX в. и участие в ней башкир. Проанализированы транслитерированные и переведенные с башкирского на русский язык работы общественно-политического деятеля К. Идельгужина. Они являются ярким показателем развития мысли лидеров башкирского национального движения, не эмигрировавших, а посвятивших себя служению Родине. В большинстве труды сохранились в рукописном виде, они интересны широкой аудитории как источник дополнительной информации по новейшей истории Башкирии.

Ключевые слова: война, армия, арабица, Башкирия, политика, XX век

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 на 2022 г.

Для цитирования: Сабирова З.Р., Абдрафикова Г.Х. Карим Идельгужин о башкирских войсках и борьбе за власть в 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 62–72. doi: 10.17223/19988613/78/9

Original article

Karim Idelguzhin about Bashkir troops and the struggle for power in 1917–1919

Zukhra R. Sabirova¹, Gulnara Kh. Abdrafikova²

^{1,2} *Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation*

¹ *timerbulat2009@mail.ru*

² *gulnara1273@bk.ru*

Abstract. The article is devoted to the Russian army in the twentieth century and the participation of the Bashkir component in it. It analyzes the materials of the famous public and political figure Karim Idelguzhin, extracted from the collections of two archives and National library of the Republic of Bashkortostan, transliterated from Arabic and translated from Bashkir into Russian. His works are a vivid indicator of social and political thought of the Bashkir national movement leaders, who did not emigrate after the Civil war, but devoted themselves to serving the Motherland here. Idelguzhin Karim Abdulloovich (1895-1937), was taught in known throughout the Asian part of Russia madrasah "Galiya", served in the Russian army and participated in the First world war, then as a non-commissioned officer and scrivener in the Bashkir cavalry regiment, member of the republican newspapers, Bashkir revolutionary committee's commissioner, military Commissioner of the cantons, the People's Commissar of education of the Bashkir ASSR, Deputy Director of the pedagogical Institute. Most of his works remained unpublished, preserved in manuscript form, interesting to a wide audience as a source of additional information about one of the most difficult periods in the history of our state. Three of them - "Remembrance – Participation of Bashkirs on Aktobe front (1919)" - 12 pages of Arabic script, written in 1929; "Remembrance of formation of Bashkir units of the Red Army. 1919" - (in bash.) 23 pages of Arabic script; "Organization of Bashkir autonomy and transition to the Soviets side" (in bash.) - are devoted to a specific topic. They have great accuracy in the information presented and the description of the events described, are not subject to political conjuncture, are not cleaned out by literary editors, are not touched by censorship. Despite some progress on the issue of the problem in the Central and regional historiography, but none of them were devoted to or reviewed by K. A. Idelguzhin. The authors believe that this is due to the inaccessibility of materials to a wide audience of researchers, as well as their safety in Arabica. Comparative and contrastive analysis of K. A. Idelguzhin's article showed that he admitted a number of inaccuracies in facts. It does not deviate from then established and now accepted by the majority of authors interpretation of them as direct links in the chain of Bashkir's movement to autonomy. At the same time, the decision to move, like all other socio-political movements of Bashkirs, was not the intention of the leaders, and was based on the opinion of the population, and in this case – the Bashkir army. K. Idelguzhin draws the attention to the fact that initially the transience of events and

sharp changeability of reality is not given even the opportunity to the Bashkirs to realize them, then - as the leaders of the movement and the population supported them, have become wary, their actions become thoughtful, but always purposeful.

Keywords: war, army, Arabica, Bashkiria, politics, XX century

For citation: Sabirova, Z.R., Abdrafikova, G.Kh. (2022) Karim Idelguzhin about Bashkir troops and the struggle for power in 1917–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 62–72. doi: 10.17223/19988613/78/9

Фонд № 1832 (Истпарт) Национального архива Республики Башкортостан содержит, кроме прочего, интересные материалы об общественных и государственных деятелях, которые участвовали в процессе формирования армии в первой трети XX в., имели отношение к ее кадровой политике, материальному обеспечению или являлись ее частью и оставили после себя воспоминания. Необходимо отметить, что мемуаристика первой трети XX в. стоит особняком по отношению к развившейся позже, в течение XX в., а также современной. Написанные «по горячим следам» воспоминания имеют большую точность в преподносимых сведениях и характеристике описываемых событий, так как еще не были подвержены политической конъюнктуре, не вычищены литературными редакторами, не тронуты цензурой. Важное место среди мемуаров занимают те, которые так и остались неизданными, сохранились в рукописном виде.

Нескольких юбилейных дат судьбоносных событий 100-летней давности, связанных между собой, – революций начала XX в., Гражданской войны, Первой мировой войны – обращают внимание исследователей к истории рождения Вооруженных Сил Российской Федерации, не единожды сменивших название, но сохранивших и продолжающих сохранять престиж человека в военной форме. Все эти события интересны тем, что в них армия явилась одним из участников. Если в революции 1905 г., на первый взгляд, она осталась как бы в стороне, занятая русско-японской войной, то ко времени революций 1917 г., Гражданской войны и Первой мировой войны брожение в ее рядах выросло, она стала зеркалом политического раскола общества.

История армии и флота, их развития, реформирования всегда находилась в поле зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Дореволюционным и советским отечественным работам был характерен патриотический уклон – это в основном публикации о полководцах и военачальниках. Применительно к историческому периоду до начала XX в. справедливо, на наш взгляд, мало внимания уделялось роли армии в экономике, обществе и его внутренней жизни. Вектор «государство–армия–экономика» в эти времена носил опосредованный характер, чего нельзя сказать о начале XX в., когда армия сыграла яркую роль и в политике, и в экономике.

В последнее десятилетие интерес к военной тематике возрос, изменился характер исследований. Использование комплексного подхода позволило раскрыть различные аспекты военной субкультуры в рамках истории повседневности [1], гендерной истории [2], истории российской армии в зарубежной историографии. Историками, в частности, отмечена большая исследовательская важность зарубежных работ, которые

убедительно доказывают влияние военных элементов на экономическую, социальную и политическую жизнь дореволюционной России, в то время как отечественная историография отстала в освещении комплекса проблем «армия, государство и общество» [1. С. 43; 3].

Какой бы пестрой ни была Красная Армия в момент своего создания, башкирские военные части выделялись в ее рядах. Во-первых, они родились в период Гражданской войны, когда местная политическая элита вывела на первый план задачу формирования боеспособных вооруженных сил, способных обеспечить защиту молодых республик. Как пишет Р.С. Таймасов, «такой подход современная политология объясняет тем, что власть, опираясь на армию, может обойтись без других государственных учреждений, ибо она является сильным психологическим фактором гарантирующего неприкосновенность порядка» [4. С. 5]. Во-вторых, сразу после создания эти части развивали свой опыт, выправку, взаимовыручку и доверие на практике – в борьбе с большевиками, первоначально принявшими их однозначно отрицательно, в войне против бывших союзников по лагерю, препятствовавших национально-государственному строительству республики. В-третьих, «в результате перехода политического руководства республики и национальных частей на сторону большевиков Башкирская республика стала первым и единственным субъектом РСФСР, созданным на основе двухстороннего договора (остальные автономные республики были образованы декретами СНК)» [Там же. С. 6]. Вполне можно согласиться с Р.С. Таймасовым, что эти факты оказали сильное влияние на характер и содержание Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе, а также на государственно-правовое развитие РСФСР в эти годы. Именно поэтому интересно увидеть развитие национальных частей изнутри, проследить их судьбу в данный неоднородный период.

За всю историю Вооруженных Сил России вышло достаточно литературы, как региональной, отечественной, так и зарубежной, затронувшей в той или иной степени и период существования национальных формирований. Однако единственной работой, представившей подробный историографический обзор этой проблемы, является монография уже упомянутого Р.С. Таймасова, вышедшая в 2009 г. Она явилась первой книгой, охватившей хронологические рамки 1918 – начала 1919 г., когда армейские формирования и добровольческие отряды башкир, организованные в военное-государственное объединение Башкирское войско, сражались на стороне антибольшевистского лагеря. Автор также прослеживает предысторию создания башкирской национальной армии, основные этапы ее становления. Однако среди названных им работ мы не

встретили ни одной книги или статьи Карима Идельгужина.

А.Ш. Ярмуллин, обратившийся к следующему периоду истории национального военного формирования – процессу вливания башкирских национальных частей в Красную Армию, и опубликовавший научно-популярную книгу «Из истории башкирской армии» (на башкирском языке) [5], оставил историографический анализ за рамками своего исследования. И несмотря на то, что он обращается к мемуаристике, в его работе мы также не находим упоминания наследия Карима Абдулхаковича Идельгужина. В публикации Р.О. Багаутдинова «Участие башкир в Белом движении (1917–1920 гг.)» есть лишь упоминание уже известной работы К.А. Идельгужина «Башкирское движение в 1917–1918–1919 годах» [6]. К слову сказать, эта работа в свое время была опубликована дважды, в Уфе и Москве. Оба варианта вышли на башкирском языке, в арабской графике. Перевод монографии на русский язык все еще не осуществлен, а его транслитерация на башкирский язык вышла в журнале «Агидель» не полностью [7].

Последней работой, посвященной этой теме, стал раздел А.Г. Салихова и З.Р. Сабировой в коллективной монографии «1917: исторические судьбы народов Евразии» [8], при написании которого авторы опирались на сугубо документальный материал.

Заметим, что работы К.А. Идельгужина, основная часть которых не опубликована, написаны в своем большинстве арабской вязью и требуют времени для транслитерации и перевода. Именно эту задачу мы поставили перед собой и решили – транслитерировали, перевели на русский язык и вводим в научный оборот.

Карим Абдуллович Идельгужин, видный общественно-политический деятель, журналист, историк, родился 2 октября 1895 г. в крестьянской семье в д. Мрясово Кыпчакской волости Оренбургской губернии (ныне Новосергиевский район Оренбургской области). В 1912–1914 гг. он учился в медресе «Галия», далее работал преподавателем. В 1914–1917 гг. служил в русской армии, участвовал в Первой мировой войне. Февральская революция застала его на Западном фронте. Среди товарищей по оружию он пользовался авторитетом, был избран членом армейского комитета [9. С. 135]. Он возвращается в родную деревню и принимается за политико-просветительскую деятельность, организывает советы в Ток-Чуранской волости, работает военным комиссаром волости. Летом 1918 г. с. Мрясово занимают дутовцы. Они арестовывают К. Идельгужина, но вскоре освобождают по настоянию члена Башкирского правительства С. Мрясова, который и предложил ему вступить в Башкирское войско [Там же]. Здесь в 1918–1919 гг. он служил в звании унтер-офицера. С октября 1918 г. был писарем штаба 2-го Башкирского кавалерийского полка им. Г.С. Идельбаева. В это же время являлся сотрудником газеты «Башкортостан хэбэрлэре».

С апреля 1919 г. Карим Абдуллович был уполномоченным Башревкома в 20-й Пензенской стрелковой дивизии 1-й Армии РККА. После подписания «Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским

Правительством о Советской Автономной Башкирии» была образована Автономная Башкирская Советская республика, созданы местные кантревкомы. В период перехода Башкирского правительства на сторону советской власти К.А. Идельгужину было поручено вести агитационно-разъяснительную работу среди солдат. Под его руководством в феврале 1919 г. на сторону советов переходит 4-й Башкирский полк [10. Л. 10]. В эти годы Карим Абдуллович вступает в ряды РКП(б). Его назначают военным комиссаром Тамьян-Катайского кантона [11]. Это был один из тяжелейших периодов в истории края и государства: множество партий, общественных и политических течений, отсутствие доверия друг к другу, интриги и подковерные игры, метания из одного лагеря в другой, накаленная психологическая обстановка. В такой ситуации необходимо было, сохраняя терпение и мужество, продолжать строительство нового государства [12]. Поэтому, на наш взгляд, этот период жизни и деятельности К. Идельгужина – в сердце гражданской войны – пока недооценен.

С 1920 по 1925 г. он «поднял» три кантона. Много сделал для преодоления последствий голода и разрухи, борьбы с неграмотностью, становления местных органов власти, привлечения граждан к строительству нового государства. В последующие годы, где бы он ни работал, его всегда задействовали в различных государственных комиссиях по проблемам развития языка, образования и т.д. Развернувшаяся в это время в стране «культурная революция» [13, 14] застает Карима Абдулловича на ответственной работе. В 1928 г. он становится народным комиссаром просвещения Башкирской АССР, избирается в состав БашЦИК I–IV созывов (сессии созывались не реже 3 раз в период между очередными съездами). В постановлении II сессии VII созыва от 8 января 1930 г. по докладу К.А. Идельгужина «О ближайших задачах народного образования Башкирии» раскрыта широкая программа реформирования культурной и образовательной сфер, направленная на «необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР» и увязывавшая «план культурного строительства с индустриализацией страны как неотъемлемой частью общего плана социалистического строительства».

На протяжении своей жизни, где бы он ни работал, К.А. Идельгужин собирал различные материалы по истории края, что характеризовало его как истинного исследователя. В 1935 г. на Карима Абдулловича был написан донос, за сокрытие факта службы в царской армии его исключили из партии. В 1937 г., как и многие, он был расстрелян. Но остались его интереснейшие труды.

Долгое время региональная историография освещала только одну его книгу, опубликованную в Москве на арабской вязи – «Башкирское движение в 1917–1918–1919 годах». Но благодаря изучению архивов сегодня мы можем говорить и о его работах, посвященных истории национальных формирований на Урале.

Так, в фонде № 1832 (Истпарт) Национального архива Республики Башкортостан содержится документ 314 – не опубликованная на русском языке руко-

писать его книги «Воспоминание – Участие башкир на Актюбинском фронте (1919 г.)» – 12 страниц арабской вязи, написанная в 1929 г.

Документ 215 представляет нам рукопись его книги «Воспоминание о формировании башкирских частей Красной Армии. 1919 год» (на башкирском языке, 23 страницы арабской вязи).

В отличие от современных монографий, книги того периода имели гораздо меньший объем. Свою роль здесь играет также и арабская вязь. Но структурно, а также объемом информации они не уступают современным.

Прежде чем перейти непосредственно к тексту, заметим, что в данной статье в силу ограниченности объема мы представим текст только одной работы – «Башкортостан автономияһын ойштороу һәм совет яғына сығыу кәндәре»¹, которая как бы предваряет содержание двух других вышеуказанных работ.

Лаконичной и точной является характеристика этого периода Гражданской войны, данная Р.О. Багаутдиновым: «Гражданская война и военная интервенция в России (1917–1922 гг.) – одно из наиболее ярких и в то же время драматических периодов в истории нашего Отечества. Вооруженные столкновения между отдельными отрядами оппозиции и Красной Армией в конце 1917 г. переросли в мае 1918 г. в широкомасштабные военные действия регулярных армий, охватившие всю огромную территорию нашей страны... По своему социальному составу противоборствующие силы включали представителей всех сословий и народностей Российской империи, в числе которых оказались и башкиры. Следует отметить, что участие башкир в белом движении и на стороне Красной Армии неоднозначно оценивалось исследователями...» [6. С. 4].

Заметим, что в отличие от Заки Валидова² и Мусы Муртазина³, выступавших всегда с позиции «мы не красные и не белые, мы – башкиры...», Карим Идельгужин демонстрирует иную позицию в трактовке некоторых моментов. К примеру, причины открытого антисоветского военного сопротивления башкир он относит к лжеагитации Колчака и Дутова против лидеров башкирского национального движения и их решения о переходе на сторону советской власти⁴. Настолько ли податливым было население легкой агитации, вызывает сомнения. Правильнее нам кажется позиция о «многих недоразумениях, бытовавших в это время на Урале, приведших к сильному брожению в сознании народов, его населяющих».

Во-вторых, он пишет, что башкирская армия изначально была собрана из антисоветски настроенных добровольцев, в то время как мы знаем, что на территории Урала была объявлена мобилизация башкирского населения в армию.

В-третьих, ошибку автор статьи допускает и в вопросе об отказе перейти на сторону советской власти двух башкирских батальонов. На самом же деле уже после перехода на сторону красных между советским и башкирским командованием возникли трения. Как пишет М.Л. Муртазин, «некоторые из лиц командно-политического состава этой армии не считались с соглашением, достигнутым представителями Башкирского правительства с командованием V армии, и стали по

отношению к башкирам и их представителям проводить политику недоверия и подозрения, приведшую в конечном результате к репрессиям против мирного башкирского населения» [18. С. 67]. Затем был отдан приказ о роспуске командного состава башкирских войск, насильственном разоружении. О том, как много усилий было приложено Башкирским правительством для урегулирования этого вопроса и удержания в спокойствии военных башкирских формирований и населения, подробно написано в работе «Создание и история башкирской армии после Революции 1917 года» [8]. Как бы то ни было, именно в этот момент два батальона 1-го стрелкового полка перешли на сторону белых, а 1-й кавалерийский полк, руководимый М.Л. Муртазиным, категорически отказался сдать оружие, но линию фронта не покинул.

Однако, несмотря на возможное давление, оказываемое на Карима Абдуллоевича в период написания этой статьи, и на его, мягко говоря, негативную терминологию по отношению к интеллигентам, он все же не смог отказаться от основных постулатов башкирского национального движения, что позже стало причиной критики со стороны советских идеологов, прямо обвинявших его в контрреволюционной деятельности [19. С. 15].

Итак, статья К.А. Идельгузина раскрывает нам иной взгляд на события, происшедшие в период Гражданской войны. Он не отступает от утвердившейся тогда и принятой теперь большинством авторов трактовки их как непосредственных звеньев в цепи движения башкирского народа к автономии. С этим связано его стремление «осветить начало образования Башкирской автономии» прежде, чем приступить к вопросу о процессе перехода башкир на сторону советской власти, его предпосылках и причинах. Но вместе с этим автор стоит на позиции, что решение о переходе, как и все остальные общественно-политические движения башкир, не было замыслом лидеров, а базировалось на учете мнения населения, в данном случае – башкирского воинства. К. Идельгужин обращает внимание читателя и на то, что поначалу скоротечность событий и резкая переменчивость реалий даже не давали возможности башкирам осознать их, далее же как лидеры движения, так и население, их поддерживавшее, стали осмыслительнее, действия их стали продуманными, но всегда целенаправленными. Есть и другой момент в этой статье: как бы ни заметны были негативные инсинуации Карима Абдулхаковича в отношении Заки Валидова, все же статья обращает наше внимание на демократичность и либерализм многих поступков этого политического деятеля. В целом необходимо отметить, что статья дает лаконичную, четкую картину событий гражданской войны на Урале, что важно для тех, кто изучает этот сложный период в истории России.

Если углубиться в остальные работы К. Идельгузина, особенно в ссылки на слова политических деятелей, которые он включает в текст, то становится понятным, что во многих них налицо совсем не политические метания автора или смена его политических позиций. Он как бы напоминает им, что слова не должны расходиться с делом.

Напоследок хотелось бы отметить, что ввод таких работ в научный оборот – это тоже своего рода реабилитация их авторов.

Перейдем непосредственно к тексту.

Организация Башкирской автономии и переход на сторону советов

Чтобы точнее раскрыть для читателей вопрос, перед непосредственным описанием дней перехода башкирского народа на сторону советских войск я счел необходимым осветить начало образования Башкирской автономии.

В 1917 г., после свержения Российской монархии, в период, когда живущая в ней рабочая масса устремилась на площадь борьбы за свободу, дворяне, чтобы не упустить своей власти, предпринимают всякие действия для усиления контрреволюции, пуская в ход свое золото-серебро, крича «караул».

За это взялась и мусульманская буржуазия. Объединяя весь тюркский мир под флагом великого ислама, [она] старалась отвлечь рабочих от их классовых интересов.

Первый Мусульманский съезд⁵ был прямой калькой Уфимского Национального меджлиса⁶ и других подобных национальных и военных собраний. Когда дело дошло до организации автономии Башкортостана, этот меджлис не нашел общего языка ни с одним из них и заметался из стороны в сторону.

На московском съезде, создав отдельную фракцию, башкирские представители заявили: «Башкиры – отдельная нация, природными богатствами, землей и водой, лесом, нравами-традициями отличается от других народов. Поэтому башкирский народ должен создать отдельное государство с независимым национальным и местным самоуправлением».

По возвращении с московского съезда башкирские представители во главе с Сагитом Мирасовым⁷ и Заки Валидовым совместными усилиями создали Временное башкирское бюро.

Работа бюро состояла в скорейшей подготовке организации автономии в районах проживания башкир, подготовке к съезду, направлении агитаторов, сборе денег, в разъяснении значения территориальной автономии.

Среди башкир началось очень быстрое сплачивание вокруг идеи достижения автономии. Поначалу среди мулл, кулаков, интеллигентов родилась идея взять дело в свои руки и вернуться к кантонам.

Во-первых, некоторые башкиры, не видели необходимости отделения башкир от татар, говорили, это невозможно. Во-вторых, татарская печать открыла жесткую кампанию против Башкирской автономии.

«Башкирская автономия – это утопия. Необходимо объединение наций», – говорили газеты предателя-социалиста Гаяза «Иль», листовка Фоата «Королтай», издаваемая под руководством миллионера Рамиева газета Фатиха Каримова «Вақыт», уфимского капиталиста Габидуллы Гусманова «Тормош» и другие, вторившие им, проводившие антиагитацию башкирской автономии; такое отношение к башкирам открыто из-

лагалось в исторических документах татарских националистов и татарской буржуазии.

Временное башкирское бюро, несмотря ни на что, самостоятельно продолжало подготовительные работы, организуя районные советы (шуры) в Оренбургской, Самарской, Пермской, Уфимской губерниях.

Первый башкирский съезд

19 июля по окончании предварительной подготовки Временное бюро созвало Первый башкирский съезд. В работе съезда участвовали 70 представителей Оренбургской, Самарской, Пермской и Уфимской губерний. По своему составу участники были: 95% деревенские муллы и муэдзины, интеллигенция, а также небольшое число вернувшихся с фронта солдат.

Съезд рассматривал следующие вопросы: 1) доклад Временного башкирского бюро; 2) управление Башкортостаном; 3) духовное управление; 4) войсковые части; 5) отношение к войне; 6) женский вопрос.

Работа съезда продолжалась в горячих спорах 5 дней; на каждый вопрос были подготовлены отдельные постановления. Но чтобы долго не задерживаться на этом, несмотря на то что все полные документы имеются у меня на руках, я рассматриваю только отдельные пункты.

Об управлении Башкортостаном: «Настоящая родина башкир, Урал, испокон веков кормил и растил башкира. Башкир, воспевая в своей литературе и письменности духовную и материальную красоту земли, будь то до вступления в состав России или же, полусвободный, уже после вступления в ее состав и до времени усиления колонизации в середине XVIII в., никогда не забывал цену вольной жизни на родной земле.

И теперь, в свободной России, эта земля должна выйти из-под опеки других национальностей. Освободившись от экономического, политического и культурного гнета, но сохранив единое со средними тюрками национальное пространство, его [башкира] Родина обязательно придет к прогрессу, став полноправным хозяином земли, на которой [он] родился, и [потому он] призывает к завоеванию национальной, политической автономии».

На этой основе [съезд] находит необходимым организацию для башкир отдельного государственного суверенитета: поручает Центральному Совету найти необходимые материалы и начать работу в этом направлении.

О духовном самоуправлении. Башкиры отличаются от соседствующих с ними мусульман языком, обычаями. Имея много природных богатств, они не получают достаточной выгоды от налогов, уплачиваемых в земство.

Тесное соседство с другими народами не позволяет им [башкирам] развивать свои национальные и скотоводческие интересы в той степени, в какой их развивают соседи. Поэтому при разделении волостей на отдельные районные земства соединение [башкир] с немусульманским [населением внутри района] [сведет] работу мусульман на нет. Значит, надо стараться в каждой конкретной волости и отдельном районе проводить отдельную работу (кратко).

О Военных формированиях. [В этом вопросе съезд] присоединяется к решениям Казанского мусульман-

ского военного солдатского съезда и находит необходимым создание у башкир отдельных национальных полков.

Решение по войне. Война, начатая из-за жадности старой власти, приносит народу только вред, при этом никто по счетам не платит, поэтому [съезд] находит необходимым скорейшее ее прекращение.

О женщине. Дать женщинам право участвовать в выборах и быть избранными, содействовать обучению их грамоте.

Об отношении к национальной собственности. Испокон веков собранный в разных государственных органах запасной капитал и другие башкирские суммы [налогов, собранных на территории проживания башкир] срочно возвратить башкирскому народу, национальная собственность башкир должна быть подсчитана.

Избрать из 13 человек Центральную Шкуру. Были избраны: 1. Гариф Мутин, 2. Шариф Манатов, 3. Сагит Мирасов, 4. Илдархан Мутин, 5. Усман Куватов.

Участники съезда и выдвинутые решения определили направление работы Центральной Шкуры. Вопросы рассматривались только с точки зрения национальности и мусульманства; то, какой дорогой идет российский пролетариат как сильнейший помощник рабоче-крестьянской массы в революционную пору, и силы политических партий не рассматривались.

Чтобы усилить работу в этом направлении, в Уфе готовится Второй съезд башкир.

Второй Башкирский съезд

Второй Башкирский съезд был созван 25 августа в Уфе. Обсуждаемые вопросы те же. Были рассмотрены: 1) доклад о работе Центральной Шкуры; 2) выборы в Учредительное собрание; 3) конкретное определение управления Башкортостаном. Отношение к этим вопросам выражено было такое же, что и на первом съезде, поэтому останавливаться не буду.

Избрав в Центральную Шкуру снова 12 человек, [съезд] рекомендовал нижеследующее: 1) председателем в Центральный совет – Шариф Манатов; 2) заместитель – Заки Валидов; 3) писатель Шейхзада Бабич; 4) по финансам – Мухаммат Давлетшин (мулла).

В Уфе работу Центральной Шкуры теперь ведет секретарь Фатхи Ахмадуллин. В Челябинске Нури Тагиров. По делам земли и скотоводства избран Салах Азнаголов, по статистике – Муса Смаков.

Избранной Центральной Шкуре поручаются призывы, организация работы, лоббирование в Учредительное собрание кандидатов из башкир, укрепление местных советов, организация советов района.

В некоторых местах, где не образовались советы, указано было поторопиться, приложить все усилия к их организации. Даже в письменном обращении Центральной Шкуры было записано: «До начала ноября районы, где не закончена организация советов, будут считаться не присоединившимися к идее территориальной автономии». В это время самая важная работа Шкуры: провести выборы и утвердить участников Учредительного собрания, с их помощью ратифицировать Башкирскую автономию Учредительным собранием, сохранить ее – с этим были связаны все надежды (результаты выборов опускаю).

Объявление Башкирской автономии

Когда благодаря Центральной Шкуре стала явной некоторая подготовленность в башкирских районах, а власть в центральных городах России [в этот момент] перешла в руки большевиков, и малым народам было распространено письменное обращение «Всем малым народам на своей земле свободу, и, если захотят, отдельное государство», тогда [в ответ на это] на Учредительном собрании дети помещиков, попов, мулл похоронили идею ратификации автономии Башкортостана Учредительным собранием. Так же и «ворчание» татарской буржуазии о том, что «просить [автономию] пока рано, отделяться от мусульман нельзя», кануло в небытие.

В это время Башкирская Центральная Шкура, напрямую, никого не спрашивая, 15 ноября⁸ объявляет Башкирскую автономию.

От имени Центральной Шкуры в разные города, а также таковое и Ленину, отправляются телеграммы. Но задержанная на телеграфе телеграмма Ленину не отправляется.

Эта весть, попав в Оренбургские национальные органы, приводит к новой «грызне». Стали распространяться слухи, что «Башкиры пошли на сговор с большевиками».

Об этом в одной из Оренбургских газет было напечатано заявление оренбургского губернского комиссара Н.В. Архангельского⁹ (в номере за 21 ноября): «Председатель Центральной Шкуры Шариф Манатов объявил в Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской губерниях башкирские районы частью Российского государства. Об этом он в разные стороны отправил телеграммы. Я объявляю оренбургскому народу: Оренбургское мусульманство не имеет отношения к тому, что сделала Центральная Башкирская Шкура; мусульманский и областной совет и Военный комитет к объявлению территориальной автономии не присоединяются. Об этом мне сообщили члены Областного национального совета и Военного комитета, таким образом, мусульманский отдел Оренбурга и их руководство, Областной национальный совет отрицательно смотрят на отношения их с Лениным и ведение дел Губернским отделом отдельно от государства. Оренбургский губернский комиссар Архангельский».

Центральная Шкура по объявлению башкирской автономии поняла поспешность участия башкир в Учредительном собрании и приняла решение в декабре собрать Курултай [Общенародный совет].

Первый Башкирский Курултай

8 декабря 1917 г. (по старому стилю) в Оренбурге был созван Первый башкирский Курултай. На Курултае собрались представители башкирских районов Оренбургской, Самарской, Уфимской, Пермской губерний.

Со времени стихийного национального башкирского движения вошедшие в состав шкуры разных волостей и районов муллы, муэдзины, сыны кулаков явились представителями на Курултай.

Несмотря на то, что в Башкортостане проживало много русских, от них явились только 15 представителей, другие не прибыли. Только от оренбургских та-

тарских объединений бродили ставленники Временного правительства.

На Курултае были рассмотрены следующие вопросы: 1) отчет Цетральной Шуры; 2) ратификация Башкирской автономии; 3) состав руководства; 4) войсковая часть и внешних связей, и др.

Так как все вопросы были подготовлены на Курултай заранее, то утверждение башкирской автономии и другие вопросы прошли в секциях без дискуссий и споров.

Только представители Национального Совета и Военного Комитета выразили несогласие по вопросу об автономии, и явились причиной споров. <...неразб. ...>

В центральных городах России вся власть перешла в руки рабочих-крестьян, все должны были организовываться на основе советов, – тогда башкирские муллы и интеллигенция связали свои чаяния с Учредительным собранием и не рассматривали эту проблему с точки зрения классовой и материальной; а все решения Курултая пошли по пути первого и второго башкирских съездов.

Курултай, избрав членов Предпарламента из 22 человек, поручает им продолжить работы по организации автономии. С этим работа Курултая заканчивается.

Действительно, среди башкир до революции не было борцов, связанных с классовой борьбой и являющихся представителями определенного класса.

Движение поднялось стихийно, как сопротивление царским поработителям, и не было готово к социальной революции, – среди тех, кто еще не перешел феодальную эпоху развития, не было тех, кто хотел бы классовой борьбы, и лидеров таких не было. Поэтому башкирские национальные объединения 1917 г. и выступали за национальную жизнь и национальную свободу. Это подтверждается документами Центральной Шуры 1917 г.

Там написано: «В настоящее время в России идет борьба разных партий, политические верхи разделились на разные лагеря. Башкирскому народу, сопротивляясь этому, не должно допускать между собой никакого разделения, так как это будет противоречить завоеванию башкирами национальной и территориальной автономии. Башкирский народ будет стоять в стороне от смехотворного деления партий, мы ни большевики, ни меньшевики, мы – башкиры».

В чьих руках настоящая свобода башкир, какая партия борется за политические и экономические права всех рабочих-крестьян, никто этого не проверял, кто обещает дать автономию, на его сторону и склоняется башкир, рассматривая все через призму башкирских проблем, готовый выступить с кем угодно. Здесь нет места долгим речам, доказательству, все это подтверждается историческими документами, историческими реалиями доказано и подтверждено.

Некоторые члены Башкирского правительства, избранные на первом Курултае в Оренбурге в декабре 1917 г. (Валидов, Мирасов, Мути и др.), по взятию Оренбурга советской армией в феврале 1918 г. были обвинены в антисоветчине и посажены в тюрьму. Несмотря на то, что этих членов правительства пытались освободить прибывшие из кантонов кулаки, у них это не получилось.

Затем под руководством товарищей Габдуллы Давлет¹⁰ и Шафиева¹¹ создается Башревком. В Башкортостане начинает устанавливаться рабоче-крестьянская власть. Но усиленная агитация против советов среди башкир приводит к тому, что башкиры не признают Башревком как официальную власть. Более того, усиление борьбы на Урале не дало долго прожить новой советской власти, ревком распался, его руководители разошлись.

Таким образом, в районах, где власть принадлежала Крестьянской Армии, организовывались советы, а в деревнях, подвластных Дутову, верховодили кулаки и муллы. Усилилась агитация против советов среди башкир, часто было слышно: «Советы башкирскому народу не дают автономию». Это привело ко всякого рода недопониманию.

Арестованные члены Башкирского правительства, Заки [Валидов] и его товарищи, в том же году 3 апреля ночью, когда казачьи отряды вступили в Оренбург и освободили казачьих офицеров, бежали. Прячась от советов среди башкир, вышли на Челябинск.

В Сибири объявляется Колчак, чехи завоевывают челябинские и оренбургские районы. Бежавшее Башкирское правительство (во главе – Заки Валидов) снова начало поднимать народ против советов. В течение месяца с помощью сильной агитации среди башкир оно распространяет приказ о скорейшем создании двух полков солдат и вооружает их чешским оружием.

Когда Башкирские полки сражались с Красной Армией в Челябинске, Златоусте, Верхне-Уральске, чехи заняли гг. Казань и Самару, Башкирское правительство со своими двумя полками переехало в Оренбург.

В начале этой статьи я писал, что башкиры не нашли общего языка с буржуазией и различными национальными объединениями. На это читатели могут задать вопрос: «Если так, почему же Башкирское правительство, присоединившись к Дутову и Колчаку, сражалось против Советов?» Поэтому я нашел необходимым дать разъяснения.

Когда Башкирское правительство было арестовано советами, приспешники Дутова обратились к башкирам: «Красная Армия башкирам автономии не даст, а землю вашу отдаст русским, уничтожит мусульманскую религию, не даст и слова сказать о свободе». Башкиры поверили такой сырой, смехотворной агитации, стали искать пути борьбы с этим положением. В это время пришедшие из Сибири чехи открыли военные действия против красных, бежавшее Башкирское правительство, возглавив башкир, которые благодаря черной агитации были настроены враждебно по отношению к красным, открыло войну против советов. Так, из-за осуществлявшейся в последние годы агитации, башкирский народ, не осознавая, с кем идти, в какую сторону двигаться, чтобы получить автономию, и сам стал врагом красных.

Учреждения Башкирского правительства, переехав в Оренбург, расположившись в Караван-сарай, начали восстанавливать национальную организацию 1917 г., а для защиты автономии создавать башкирские войска.

Началась мобилизация в армию башкирской молодежи, рожденной с 1895 по 1898 г., из Оренбургской и

Самарской губерний. Вскоре созданные 3-й и 4-й башкирские полки отправляются на Орский и Актюбинский фронты.

Командиров не хватало, [поэтому] на службу начинают призываться татарские белые офицеры. [Ощутим был недостаток] оружия и одежды, используются берданки, стволы которых разлетаются в стороны после 1–2 выстрелов. К тому же Дутов по своему усмотрению отправляет башкир в нужном ему направлении, назначает своих командиров. День ото дня прибывает башкирские полки к рукам.

Хотя башкирские войска терпеливо воевали против большевиков, Дутов объединяется с Самарской учредилкой и старается присоединиться к казачьим войскам. Это положение в Сибири при усилении власти Колчака приводит к открытому обезоруживанию башкирского войска и присоединению к казачьим полкам, распылению его. Башкиры, стремившиеся к свободе, переходят постепенно в руки генералов.

Подготовка башкирских войск к переходу на сторону советов

Башкирские джигиты не сидели сложа руки, и, хотя Заки Валидов, получив казацкую одежду и оружие, старался продолжить войну против большевиков, жизнь распорядилась по-иному. Башкиры, не присоединившиеся к Заки, верили, что народ их получит свободу только через присоединение к большевикам.

Колчаковское правительство отдает Дутову приказ о разоружении башкирских войск, а башкирские войска открыто заявляют о выступлении на стороне революции, о неподчинении колчаковскому правительству, категорически требуют присоединения башкирского правительства к большевикам (однажды, чтобы получить больше оружия в свои руки, отряд Терегулова¹² захватил склад оружия и обмундирования Дутова и раздал башкирским войскам).

В октябре учреждения правительства переезжают на башкирскую сторону – в Баймак, и с этого времени усиливается сплоченность среди башкирских солдат Дутова. В это время в Оренбурге появляется тов. Салах Азнагулов¹³. Действуя сообща, чтобы стихийное сопротивление сделать более основательным, среди воинов начинают распространять письменные открытые обращения.

В одном из таких обращений было написано: «Башкирские воины-братья, нужно прекратить войну против красных. Дутов обманул башкирский народ, не слушайте его командиров! Грех стрелять в красных». Одновременно Башкирское правительство из Баймака вызвало людей с целью направить их как представителей к большевикам.

Из Баймака прибыл член Центральной Шуры Сагит Мирас, который после согласования кандидатуры представителя в лице Салаха Азнагулова выдал ему документ за своей подписью и отправил его через Туксоран к красным. Об этом было секретно сообщено действующему войску.

По причинам, мне неизвестным, тов. Салах Азнагулов порученное дело выполнить не смог, об этом сведений не было.

Силы Дутова и Колчака укрепились, им стало известно о сплочении башкир против них. И они старались прибрать башкирское войско в свои руки. В этом смысле башкирское войско оказалось между двух огней.

Правительство приходит к выводу, что единственным выходом это избежать будет захватить Дутова с его штабом, обезоружить Оренбургское казачье войско и возле Бузулука присоединиться к большевикам.

Однако 26 ноября ночью, несмотря на занятие башкирскими войсками большей части города, из-за предателей-шпионов, доложивших Дутову, Дутов с одним эскадронном солдат бежит в Актюбинск, из-за чего план не осуществляется.

Поскольку дело не удалось, все башкирские войска в Оренбурге, а также бежавший с Акбулатского фронта, дабы не воевать против большевиков, 4-й башкирский полк, через Каргалы направляются в сторону Красной Мечети. Цель – присоединившись к башкирским войскам на Бузулукском фронте, без кровопролития вновь собраться в районе Канн-Темясово и во что бы то ни стало присоединиться к красным.

Красные с двух сторон приблизились на 30–35 км к Оренбургу, Дутов через Орск бежал в сторону Верхне-Уральска, в Оренбурге – безвластие, башкирские войска не выступили против красных, дорога Оренбург–Орск была открыта. И Оренбург переходит к красным.

В это время в рядах башкирских войск началась паника как со стороны Дутова и Колчака, так и со стороны красных, так как мужчины-башкиры были мобилизованы, а их деревни, оказавшиеся в районах военных действий, разрушались, а каждая из сторон, появлявшаяся в них, отбирала лошадей, хозяйственное имущество. Местное население потеряло всякую надежду и думало, что «башкирское правительство продало башкир Дутову».

Когда Заки Валидов осознал, что правительство Колчака и Дутова обмануло башкир, и вынужден был принять симпатии башкирского народа и башкирского войска к Красной Армии, он послал на переговоры с ними членов Центральной Шуры Халикова и Хайретдина Сагитова.

Когда эти представители встретились с нужными людьми и довели до них, что Башкирское правительство и один полный корпус войск изъявили желание перейти на сторону советской власти, из Уфы в штаб башкирских войск на заводе в Канах [Кана-Никольск] прибывает тов. Галимьян Аминев.

8 февраля на Кананикольском заводе члены правительства при участии группы башкир проводят собрание о переходе башкирского народа и всего войска на сторону советов и направляют в Москву решение по вопросу об объявлении Башкортостана частью Советской территории в специальную комиссию для переговоров с Москвой.

13 февраля башкирские войска получают приказ оставить Кана-Никольск и собраться в районе д. Темясово. 16 февраля ночью в Темясово члены правительства при участии рабочих, собрав секретное собрание, обсудили и приняли следующее: «18 февраля с 10 часов башкирский народ и войска вывести к советам и в тот же день начать военные действия против войск

Дутова и Колчака и других врагов революции. Об этом издать приказ по штабу корпуса. В целях исполнения данного приказа в каждый полк и отряд направить полномочных представителей».

После принятия этих решений штабом корпуса был издан приказ, и заготовленные письменные обращения были переданы полномочным представителям, которые в тот же день выехали в войска.

Здесь необходимо отметить, что, поскольку некоторая часть башкирской молодежи из рабочих не была согласна с написанным якобы по личной инициативе Заки Валиди приказом, то нужно привести дословно этот исторически значимый документ.

Приказ: [в статье текст дан на русском языке].

При сем объявляется приказ по башкирскому войску от 16-го февраля 1919 года.

Объявляю всему Башкирскому войску и башкирскому народу, что башкирское войско с 10 часов 18 февр. 1919 г. переходит на сторону Советской власти и начинает совместную с Советской Красной Армией беспощадную борьбу с врагами революции, свободы и самоопределения нации – Колчаком, Дутовым и всеми мировыми империалистами.

Всех лиц в составе Башкирского войска, пытающихся бежать и уклониться от службы революции и борьбы с ее врагами, ПРИКАЗЫВАЮ задерживать и представлять в штаб Башкирского войска (корпуса) в с. Темясово.

Неприкосновенность же личности офицеров, остающихся в рядах Башкирского войска для дальнейшей службы, гарантируется мною, о чем договорено с Советской властью.

Приказ этот прочесть во всех полках, ротах, эскадронах и командах.

Подлинный подписал Командующий Башкирскими войсками, Начальник Башкирского Войскового Управления *А. Валидов*.

Верно: И.д. начальника Штаба Войска *Ильяс Алкин*¹⁴.

18 февраля в 10 часов утра данный приказ был доведен до башкирского войска. Войска выразили единогласное согласие на переход к красным и беспощадную борьбу с войсками Дутова и Колчака, только один-два батальона солдат из-за антиагитации казаков и других провокаторов отказались присоединиться к красным и перешли на сторону казаков. Тут же состо-

ялись выборы представителей от солдат, 20 февраля в Темясово созывается Военный съезд.

После выборов представителей с каждого отряда Башкирского войска 20 февраля в селе Темясово проходит съезд, где принимаются важные решения о совместной борьбе с Красной Армией и о начале работ в Башкортостане на основе советов. В Центр направляются поздравительные телеграммы и в организационных целях избираются Ревком из 12 человек и заместителей 6 человек¹⁵.

До освоения военного устройства Красной Армии военные дела Башкортостана были оставлены организационно в прежнем виде, и было поручено Ревкому в ближайшее время создать отдельные башкирские красные войска.

О переговорах с большевиками: большевики выразили взаимопонимание и согласие с башкирским правительством и единогласно приняли все пункты Соглашения¹⁶.

Напомним, что до объявления башкирским солдатам о выходе на сторону Советов весьма своевременно ненадежные офицеры были схвачены и заменены преданными башкирскими командирами. А за поставленными Дутовым офицерами установлена тайная слежка. Тем самым была пресечена возможность побега их к казакам. Появившиеся отряды со стороны казаков были тут же разоружены. Когда я прибыл в штаб второй башкирской стрелковой дивизии, около 20 офицеров-казаков были разоружены и брошены в тюрьму.

Именно таким образом стремление башкирских войск и рабочих к свободе вынудило Заки Валидова признать советскую власть и снова просить принять нас. Стремлению башкирских рабочих к свободе сильная коммунистическая партия и пролетариат дали дорогу в жизнь. Благодаря свободолюбивым башкирским рабочим и одному полному корпусу воинов их полуторогодовая революционная национальная борьба 18 февраля перешла в классовую борьбу и с помощью коммунистической партии положила начало строительству Башкирской социалистической советской автономии.

В этой статье я старался раскрыть пережитые башкирами в те годы события, ранее не освещенные в печати, но записанные мною в свое время в дневниках. Последующие события опишу позднее.

Примечания

¹ «Организация Башкирской Автономии и переход на сторону советов». Транслитерация текста на башкирский язык с комментариями опубликована Г.Х. Абдрафиковой в журнале «Ватандаш» (2018. № 12).

² Ахмет-Заки Валиди (Валидов) (10 (22) декабря 1890 г., д. Кузяново Ильчик-Тимировской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Российской империи, ныне Ишимбайский район Республики Башкортостан, – 26 июля 1970 г., Стамбул, Турция) – военно-политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (1917–1920); публицист; историк, востоковед-тюрколог, доктор философии (1935), профессор, почетный доктор Манчестерского университета (1967) [15. С. 95–97].

³ Муса Лутович Муртазин (20 декабря 1891, с. Кучуково Кубеляк-Телевской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии – 27 сентября 1937 г., Москва) – видный военный деятель, активный участник Гражданской войны в России, деятель Башкирского национально-освободительного движения, комбриг [16. С. 93–97].

⁴ Приказы генералов Печенкина, Ханжина, обращение Захарова. См., напр. [17].

⁵ Состоялся в Москве в мае 1917 г. Главная черта – выборность делегатов и выборность муфтия Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири, которого впервые не назначил император.

⁶ Проходил в Уфе с 20 ноября 1917 г. до 11 января 1918 г. Был принят проект конституции Национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири – Урало-Волжский штат.

⁷ Сагит Губайдуллович Мрясов (1880–1932) – деятель Башкирского национального движения, член Башкирского Правительства, общественный и государственный деятель, краевед.

- ⁸ Башкирская центральная шура Фарманом (Приказом) № 2 от 15 (28) ноября 1917 г. провозгласила автономию Башкурдистана в составе Российской республики.
- ⁹ Эсер, член Челябинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, назначен комиссаром с 27 июня 1917 г.
- ¹⁰ Абдулла Сибататуллович Давлетшин, татарин, член РСДРП (б) с 1918 г.
- ¹¹ Бахтигарей Агзамович Шафиев, башкир, член РСДРП (б) с 1917 г.
- ¹² Усман Нигматуллович Терегулов, татарин, происходил из татарского дворянского рода Терегуловых, дослужился в царской армии до прапорщика, присоединился к башкирскому национальному движению, его отряд входил в оперативную группу «Башкирские силы Верхнеуральского фронта». За боевые заслуги получил чин поручика.
- ¹³ Употребление здесь слова «появляется», на наш взгляд, неслучайно. Автор таким образом выразил недоверие к его персоне. Салахетдин Садриевич Атнагулов, башкир, в августе 1917 г. принимал участие в работе II Всебашкирского курултая в Уфе. С августа 1917 г. по ноябрь 1918 г. член Башкирской центральной (областной) шуры, а с декабря 1917 г. по июнь 1918 г. являлся его председателем. В этот период выступал против растворения башкирского национального движения в общемусульманском движении. В то же время с ноября 1917 г. по декабрь 1918 г. – секретарь Национального собрания мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, с января 1918 г. – секретарь и казначей Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата, а с апреля по июнь являлся сотрудником Татаро-Башкирского комиссариата Уфимского губернского Совета народных комиссаров. С марта по апрель 1919 г. – председатель Уфимского губернского бюро коммунистов-мусульман и член Центрального бюро татаро-башкирских коммунистов. С лета 1919 г. работал в Москве, член Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), редактор газеты «Кызыл аяу» («Красная Армия»). С 1920 г. являлся заведующим культуры совета профсоюзов ТАССР. См.: [20].
- ¹⁴ Илиас Саид-Гиреевич Алкин, татарин, дворянин, член Всероссийского учредительного собрания. С 1915 г. вступил в РСДРП (меньшевик), затем – в партию социалистов-революционеров. Позже вливается в татаро-мусульманское течение, работает над организацией Урало-Волжского штата. 20 ноября 1918 г. арестован колчаковцами в Екатеринбурге, освобожден. В начале 1919 г. – начальник штаба Башкирского корпуса. В феврале 1919 г., после перехода Башкирского правительства на сторону советской власти, – член РКП(б) (но в сентябре 1937 г. уже беспартийный), член Башкирского ревкома, военный комиссар, 1919–1920 гг. председатель Совета Народного хозяйства Башкирской республики. Всего за годы гражданской войны был арестован 8 раз, четыре раза белыми и четыре – красными. См.: [21].
- ¹⁵ 22 февраля 1919 г. был издан приказ о передаче всей полноты власти на территории республики Башревкому. Председателем был избран Метислав Кулаев. Башревком состоял из 15 комиссариатов: иностранных дел, военного (Ахмед-Заки Валидов), социального обеспечения (Ильдархан Мутин), продовольствия (Абдулла Адигамов), здравоохранения и финансов (Осман Куватов), земледелия (Ганей Карамышев), внутренних дел и национальностей (Фатих Тухватуллин), труда (Ильяс Алкин), просвещения (Аллабирде Ягафаров), юстиции (Юныс Бикбов), внешней и внутренней торговли (С. Магазов). На уровне кантонов возникли кантревкомы. См.: [22].
- ¹⁶ Заключено 20 марта 1919 г. в Москве. Активно поддерживал работу делегации возглавивший Башревком А.З. Валидов, также приехавший в Москву. В ходе острых дискуссий и консультаций к 9 марта 1919 г. был разработан состоящий из 14 параграфов так называемый Московский предварительный договор. Со стороны Башкирии его подписали М.А. Кулаев, М.Д. Халиков, А.И. Бикбаев, со стороны РСФСР – И.В. Сталин, А.З. Каменский. Копии договора для согласования и внесения замечаний были разосланы в народные комиссариаты РСФСР. В результате доработки проект договора получил окончательное название («Соглашение») и претерпел ряд изменений как в структуре, так и в содержании. См.: [23].

Список источников

1. Лукьянчикова М.В. История российской армии в освещении германского исследователя Д. Байрау // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 42–47.
2. Щербинин П.П. Влияние «военного фактора» на повседневно-бытовую культуру россиян в XIX в. // Армия и общество : материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. С. 11–24.
3. Лапин В.В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии / отв. ред. В.А. Шишкин. СПб., 1994. С. 7–27.
4. Таймасов Р.С. Участие башкир в Гражданской войне. Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. Кн. 1: В лагере контрреволюции (1918 – февраль 1919 гг.). 200 с.
5. Ярмуллин А.Ш. Башкорт армияһы тарихынан. Уфа : Китап, 2012. 280 с.
6. Багаутдинов Р.О. Участие башкир в Белом движении (1917–1920). Уфа, 2009. 207 с.
7. Сабирова З.Р., Абдрафикова Г.Х. Малоизвестные источники по истории великой российской революции и гражданской войны в регионах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4. С. 27–34.
8. Сабирова З.Р., Салихов А.Г. Создание и история башкирской армии после Революции 1917 года // 1917: исторические судьбы народов Евразии / отв. ред. Н. У. Шаяхметов. Алматы : Эверо, 2018. С. 103–118.
9. Давлетшин Р.А. Башкирское национально-освободительное движение в лицах: К.А. Идельгужин // История края и судьбы людей. Уфа, 1994. С. 133–139.
10. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 363. Оп. 3. Д. 2. Л. 10.
11. Башкортостан с древнейших времен до наших дней : хроника основных событий / сост. Р.А. Валишин. Уфа, 2007. 480 с.
12. Рахматуллина З.Р. Борьба башкир за национальное самоопределение и образование Автономной Башкирской Советской Республики // Башкиры в Башкортостане / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2009. С. 23–38.
13. Сабирова З.Р. Некоторые аспекты проведения «культурной революции» в Советской России: региональный опыт // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16. С. 51–60.
14. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: исторические очерки / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа : Ин-т истории, языка и литературы Уфимского науч. центра РАН, 2009. 304 с.
15. Салихов А.Г. Научная деятельность А. Валидова в России. Уфа : Гилем, 2001. 164 с.
16. Сабирова З.Р. М.Л. Муртазин. В сердцах поколений // Башкортостан в XX столетии : исторические портреты. Уфа, 2019. Вып. V. С. 93–97.
17. 18 февраля 1919 г. Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923. 27 с.
18. Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М. : Инсан, 2007. 208 с.
19. Хасанов Х.В. От вымирающей колонии к цветущей социалистической республике // 15 лет Советской Башкирии : сб. ст. Уфа : Изд. Правительства Башкирской АССР, 1934. С. 3–24.
20. Каримова И.Г. Атнагулов, Салахетдин Садриевич // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1: А–Б. С. 232.
21. Люди и судьбы : биобиблиогр. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / подг. Я. В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
22. Касимов С.Ф. Башкирский военно-революционный комитет // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1: А–Б. С. 361–362.
23. Кульшарипов М.М. Подписание Соглашения с Центром // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа : Гилем, 2010. Т. 5. С. 149–163.

References

1. Lukyanchikova, M.V. (2012) History of the Russian army interpreted by German historian D. Beyrau. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 4. pp. 42–47. (In Russian).
2. Shcherbinin, P.P. (2002) Vliyanie “voennogo faktora” na povsednevno-bytovuyu kul'turu rossiyanok v XIX v. [The influence of the “military factor” on the everyday culture of Russian women in the 19th century]. In: Shcherbinin, P.P. (ed.) *Armia i obshchestvo* [Army and Society]. Tambov: [s.n.]. pp. 11–24.
3. Lapin, V.V. (1994) Armia dorevolutsionnoy Rossii v sovremennoy zapadnoy istoriografii [The army of pre-revolutionary Russia in modern Western historiography]. In: Shishkin, V.A. (ed.) *Gosudarstvennye instituty i obshchestvennye otnosheniya v Rossii XVIII–XX vv. v zarubezhnoy istoriografii* [State institutions and public relations in Russia in the 18th–20th centuries. in foreign historiography]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 7–27.
4. Taymasov, R.S. (2009) *Uchastie bashkir v Grazhdanskoy voyne* [Participation of the Bashkirs in the Civil War]. Vol. 1. Ufa: BashSU.
5. Yarmullin, A.Sh. (2012) *Bashkort armiyahy tarikhynan*. Ufa: Kitap.
6. Bagautdinov, R.O. (2009) *Uchastie bashkir v Belom dvizhenii (1917–1920)* [The participation of the Bashkirs in the White movement (1917–1920)]. Ufa: Gilem.
7. Sabirova, Z.R. & Abdrafikova, G.Kh. (2017) Little-Known Sources on the History of the Russian Revolution and Civil War in the Regions. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research*. 4. pp. 27–34. (In Russian).
8. Sabirova, Z.R. & Salikhov, A.G. (2018) Sozdanie i istoriya bashkirskoy armii posle Revolyutsii 1917 goda [The formation and history of the Bashkir army after the Revolution of 1917]. In: Shayakhmetov, N.U. (ed.) *1917: istoricheskie sud'by narodov Evrazii* [1917: The Historical Fate of the Peoples of Eurasia]. Almaty: Evero. pp. 103–118.
9. Davletshin, R.A. (1994) Bashkirskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v litsakh: K.A. Idel'guzhin [Bashkir national liberation movement in persons: K.A. Idelguzhin]. In: *Istoriya kraya i sud'by lyudey* [History of the Region and the Fate of People]. Ufa: [s.n.]. pp. 133–139.
10. The National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund 363. List 3. File 2. p. 10.
11. Valishin, R.A. (ed.) (2007) *Bashkortostan s drevneyshikh vremen do nashikh dney: khronika osnovnykh sobytiy* [Bashkortostan from ancient times to the present day: a chronicle of the main events]. Ufa: Kitap.
12. Rakhmatullina, Z.R. (2009) Bor'ba bashkir za natsional'noe samoopredelenie i obrazovanie Avtonomnoy Bashkirskoy Sovetskoy Respubliki [The struggle of the Bashkirs for national self-determination and the formation of the Autonomous Bashkir Soviet Republic]. In: Suleymanova, R.N. (ed.) *Bashkiry v Bashkortostane* [Bashkirs in Bashkortostan]. Ufa: RAS. pp. 23–38.
13. Sabirova, Z.R. (2015) Nekotorye aspekty provedeniya “kul'turnoy revolyutsii” v Sovetskoy Rossii: regional'nyy opyt [Some aspects of the “cultural revolution” in Soviet Russia: regional experience]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16. pp. 51–60.
14. Suleymanova, R.N. (ed.) (2009) *Bashkiry v Bashkortostane v XX stoletii* [Bashkirs in Bashkortostan in the 20th century]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center, RAS.
15. Salikhov, A.G. (2001) *Nauchnaya deyatel'nost' A. Validova v Rossii* [A. Validov's scientific activity in Russia]. Ufa: Gilem.
16. Sabirova, Z.R. (2019) M.L. Murtazin. V serdsakh pokoleniy [M.L. Murtazin. In the hearts of generations]. In: Suleymanova, R.N. (ed.) *Bashkortostan v XX stoletii: istoricheskie portrety* [Bashkortostan in the 20th century: historical portraits]. Vol. 5. Ufa: RAS. pp. 93–97.
17. Soviet Union. (1923) *18 fevralya 1919 g. Materialy i dokumenty po istorii perekhoda Bashkirii na storonu Sovetskoy vlasti* [February 18, 1919 Materials and documents on the history of the transition of Bashkiria to the side of Soviet power]. Ufa: [s.n.].
18. Murtazin, M.L. (2007) *Bashkiriya i bashkirskie voyska v grazhdanskuyu voynnu* [Bashkiria and Bashkir troops in the Civil War]. Moscow: Insan.
19. Khasanov, Kh.V. (1934) *Ot vymirayushchey kolonii k tsvetushchey sotsialisticheskoy respublike* [From a dying colony to a flourishing socialist republic]. In: *15 let Sovetskoy Bashkirii* [15 years of Soviet Bashkiria]. Ufa: Government of the Bashkir ASSR. pp. 3–24.
20. Karimova, I.G. (2005) Atmagulov, Salakhmetdin Sadrievich. In: Ilgamov, M.A. (ed.) *Bashkirskaya entsiklopediya: v 7 t.* [Bashkir Encyclopedia: in 7 vols]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya. pp. 232.
21. Vasilkov, Ya.V. & Sorokina, M.Yu. (eds) (2003) *Lyudi i sud'by: biobibliogr. slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and destinies: A Biobibliographic Dictionary of Orientalists-Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
22. Kasimov, S.F. (2005) Bashkirskiy voenno-revolutsionnyy komitet [Bashkir Military Revolutionary Committee]. In: Ilgamov, M.A. (ed.) *Bashkirskaya entsiklopediya: v 7 t.* [Bashkir Encyclopedia: in 7 vols]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya. pp. 361–362.
23. Kulsharipov, M.M. (2010) Podpisanie Soglasheniya s Tsentrom [Signing the Agreement with the Center]. In: Kulsharipov, M.M. (ed.) *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t.* [History of the Bashkir People: in 7 vols]. Vol. 5. Ufa: Gilem. pp. 149–163.

Сведения об авторах:

Сабирова Зухра Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Абдрафикова Гульнара Хависовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения, заведующая отделом восточных рукописей Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия). E-mail: gulnara1273@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sabirova Zukhra R. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History of the Institute of History of Bashkortostan of the Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Abdrifkova Gulnara H. – Candidate of Philology Sciences, Leading Researcher of the Department of Literary Studies of the Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: gulnara1273@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.01.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 07.01.2019; accepted for publication 05.07.2022